

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла.
И такое явилось при этом,
Что в душе — ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатёнки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну, а после, чуть солнце в печали
Утонуло средь пней и грибниц,
Долго птицы о чем-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

* * *

Шепоткám назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времён,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шёл, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, милай?.. И вторило эхо: “Иван...”

Он шагал через луг... Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну, а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где, красую неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что, с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастёт и вражине промолвит: “Отчизну не тронь!”

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несусу...

* * *

*А я любил советскую страну...
Геннадий Красников*

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране исчезнувшей!.. Однако
Её люблю, не глядя на ГУЛаг
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчётливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролёт,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про валенки поёт
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград ещё не Волгоград,
Там “Тихий Дон”, там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
“Столица нашей Родины — Москва...”
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

В груди свистело... Стыли полукружья
От раскалённой кружки на столе.
Почти не грела спину шерсть верблюжья,
И вновь сосед ушёл навеселе.
И думалось о Родине, о чести,
О роковой сумятице времён...
Зудел вопрос — зачем шагаем вместе
Не с теми, с кем шагали испокон?..
Я понимал, что болен, слаб и жалок
На роковом несданном рубеже.
И вновь забытый женский полушалок
Будил тревогу смутную в душе.
Давно его хозяйка обещала,
Что забежит, конечно же, за ним.
Пуста постель... Не смято одеяло...
И горько: “Что имеем — не храним...”
И снова ночь... Опять болело тело.
А ветер звал: “Лети, лети вперед!..”
И я летел... И Родина летела —
С золой и пеплом... В чёрный дымоход...

* * *

Месяц горбат и юродив.
Так тяжело на душе.
Женщина в доме напротив
Свет погасила уже.

С нею мы нет, не знакомы.
Просто сроднился давно
С тем, что за тёмным проёмом
Женщина смотрит в окно.

Матово-белое тело,
Ковшик у края стола...
Что-то сказать мне хотела...
Вздрогнула... Не позвала...

Не позвала — и не надо.
Хватит до смертной доски
Этого позднего взгляда,
Полного ранней тоски.

* * *

Шагаю... Безумно устали ноги
За тысячи вёрст пути.
Шагаю... Но даже в конце дороги
Не знаю, куда идти.

Шагаю... Дорога давно отлога,
И легче шагать вперёд.
Шагаю... Но даже сама дорога
Не знает, куда ведёт.

Шагаю... Мелькают поля и пашни,
Берёзы, ольха, сирень.
Шагаю... Не ведает день вчерашний,
Каким будет новый день.

Когда же, с дороги свернув в аллею,
Сползу, ухватясь за ствол,
Обмякну... И вряд ли уже успею
Подумать, куда я шёл...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Колышущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее
Такою ненастной порой
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь: все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо падает огонёк.
Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.

На неверном свету догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнёт золотая
И, поблекнув, по куртке сползёт.

Молча выпью остывшего чаю
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.